
ИОСИФ ЦИММЕРМАНН
ХОЗЯЙКА
КРАСНОГО

Иосиф Циммерманн
Хозяйка Красного

https://litres.ru/74723157
SelfPub; 2026

Аннотация

На фоне бурных событий эпохи Наполеоновских войн трагически складывается судьба Эстер Мануэль — дочери владельца ювелирной лавки в немецком городе Ханау. Ей суждено войти в историю под совсем другим именем — как героине, ставшей живым воплощением русско-прусского союза тех лет.

Это повествование о превратностях судьбы, силе обстоятельств и о том, как стремление к простому человеческому счастью порой приводит человека туда, куда он никогда не собирался идти.

Содержание

Терпкий глювайн 4
Не Каспар, так Ганс 8
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Хозяйка Красного

Терпкий глювайн

Три пузатые керамические кружки, зажатые в одной руке, глухо стукнули о потемневшие доски стола. Через край плеснуло содержимое и потекло по столешнице багрово-красным ручейком, над которым поднимался лёгкий пар. Один из посетителей поспешно подставил ладонь, преграждая ручейку путь к краю стола. Женщина даже не взглянула на пролитое. Морщины вокруг глаз и глубокие складки у рта придавали её лицу суровое выражение, однако взгляд оставался живым и цепким. Держалась она прямо и уверенно. Волосы были убраны под кружевной чепец, тёмное платье свободно облегало крепкую фигуру.

— Ваш глювайн, госпада!

За столом расположились пожилой посетитель в поношенном коричневом сюртуке, застёгнутом до самого горла, крепкий усач в тёмно-зелёном одеянии, скроенном на манер военного мундира, и молодой щёголь в синем фраке и светлом жилете.

— Надеюсь, за пролитое платить не придётся? — с укоризной заметил самый старый из сидевших за столом, облизывая ладонь. — Уж больно терпкое у вас вино!

— Ага, — невозмутимо ответила женщина. — Могу и

бесплатно тебе всю кружку на голову вылить!

Тот, что был одет по-щегольски, прыснул со смеху, а мужчина с седеющими усами задумчиво подкрутил их кончики вверх

На пороге возникли силуэты людей, одетых во всё чёрное. Войдя, мужчины сняли шляпы, а женщины стянули с голов промокшие шерстяные платки, оставшись в простых полотняных чепцах. По лицам и одежде нетрудно было догадаться, откуда они возвращались.

«Красный кабачок» стоял на седьмой версте Петергоф-

ской дороги, у речки Красненькой. На противоположном берегу находилось одноимённое кладбище, где хоронили жителей окрестных деревень Автово и Ульянки, а также ямщиков Вологодской слободы.

— Ноги вытирайте! — крикнула хозяйка через всё помещение. — Мне тут грязь с пагосту не нужна!

Пришедшие замешкались. Один из мужчин попятился к порогу и принялся старательно вытирать подошвы.

— Матушка, поберегите мои уши! — всплеснул руками молодой щёголь. — По-русски правильно говорить «с погоста»!

— А ты, не иначе как, выпускник Императорского университета? — прищурилась она. — Учить нас уму-разуму собрался? Я говорю так, как все здесь говорят!

Не дожидаясь ответа, хозяйка направилась к пришедшим помянуть покойного. От спешившей мимо служанки с подносом она потребовала вытереть пол у входа:

— Maria! Wisch schnell den Boden am Eingang auf!

— Однако! — негромко произнёс усач, проводив женщину взглядом. — До чего ж строптивая особа! Хотя кабачок слывёт одним из лучших!

— Так она ещё и танцами промышляет! — вставил самый молодой за столом. — Танцкласс у неё имеется! На Фонтанке, у Измайловского моста. Там такое веселье, что до самого утра не расходятся!

Из кухни тянуло жаром, запахами жареного мяса и пря-

ностей. Под низким потолком лениво плыл табачный дым. Большинство тяжёлых деревянных столов пустовало. Лишь кое-где сидели посетители. Пришедшие с кладбища расположились у печи. Один из них негромко заговорил с хозяйкой. Та выслушала, коротко кивнула и направилась за стойку.

— Господа, да эта немка однорукая! — изумлённо прошептал щёголь, глядя ей вслед.

— Не совсем, — поправил его усач, мельком взглянув на наполненный рукав. — Только кисти нет… Насмотрелся я на такие ранения за годы службы.

Он задержал взгляд на женщине и прищурился.

— Постойте-ка… Да у неё и награды на груди! И какие!..

Когда хозяйка вновь проходила мимо их стола, самый молодой из троих поспешил извиниться:

— Сударыня, простите мою прежнюю дерзость…

— Чего тебе ещё?

— Позвольте полюбопытствовать… — Он покосился на награды у неё на груди. — Откуда у вас такие отличия?

— Заслужила.

— Небось, какой-нибудь пьяница за чарку водки расплатился? — съязвил пожилой посетитель.

— Потом и кровью! — отрезала женщина, вскинув правую руку и обнажив обрубок запястья.

Не Каспар, так Ганс

Из Фульды в Ханау молодой человек отправился по поручению хозяина ювелирной мастерской, который предоставил ему для поездки собственного коня. На рассвете он выехал из города. Дорога после недавних дождей местами раскисла, и приходилось придерживать лошадь, обходя глубокие колеи и грязные лужи. Зато на сухих участках наездник пускал коня рысью, а порой и галопом, наслаждаясь быстрой ездой и свежим утренним воздухом.

По дороге встречались крестьяне с корзинами за плечами, странствующие ремесленники, погонщики скота. Изредка мимо проносились почтовые кареты, обдавая путников грязными брызгами. У придорожных застав возницы останавливались, предъявляли бумаги и вступали в долгие препирательства со сборщиками пошлин.

В последние годы границы и властители в этих краях менялись с такой быстротой, что простой люд едва успевал привыкнуть к новым порядкам. Ещё недавно Фульдой управлял князь-аббат, теперь она принадлежала принцу Оранскому. Ханау же находился во владениях гессенского курфюрста. Для торговцев каждая перемена власти означала новые распоряжения, поборы и очередную путаницу с дорожными бумагами.

На одном из поворотов дороги навстречу показалась груп-

па молодых людей в необычных нарядах. На них были широкие чёрные штаны, жилеты с рядами блестящих пуговиц и широкополые шляпы. Через плечи они несли дорожные узлы, а в руках держали крепкие деревянные посохи.

Это были странствующие подмастерья — плотники и каменотёсы. Завершив обучение у своих мастеров, они отправлялись в многолетнее путешествие, переходя из города в город, нанимаясь на работу и перенимая секреты ремесла. Такой обычай существовал в немецких землях издавна. Вернувшись домой, странник мог рассчитывать на уважение собратьев по ремеслу и со временем сам стать мастером.

Поравнявшись с всадником, один из путников приподнял

шляпу и пожелал доброй дороги. Наездник ответил на приветствие, затем придержал коня, достал из кармана мелкую монету и протянул её ближайшему подмастерью.

— На счастье!

Тот улыбнулся, подбросил монету на ладони и с благодарностью коснулся полей шляпы. Считалось, что монета, подаренная странствующему ремесленнику, приносит удачу не только ему самому, но и тому, кто её подал.

Проводив путников взглядом, молодой человек невольно позавидовал их свободе. Они могли выбирать себе мастеров, учиться новому, увидеть чужие города. Ему же приходилось раз за разом возить ювелирные изделия из Фульды в Ханау, хотя куда охотнее он проводил бы дни за ювелирным верстаком…

На очередной заставе чиновник в форменном сюртуке протянул руку:

— Бумаги!

Всадник, не слезая с коня, достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист и подал проверяющему. Тот развернул его, пробежал глазами написанное «Hans Müller» и прочёл вслух:

— Ганс Мюллер. Фульда… Куда направляетесь?

— В Ханау.

— По какому делу?

— Родственников навестить.

— Что в сумке?

— Сменное бельё. Да немного еды на дорогу.

— Открывайте.

Мюллер спешился, отвязал от седла дорожную сумку с латунными застёжками и поставил её на стол. Откинул крышку. Чиновник обнаружил там полотенце, рубаху, пару шерстяных чулок, свёрток с хлебом, сыром и копчёной колбасой. Поворошив содержимое, он недовольно поморщился.

— Закрывайте. Следующий!

Забрав документы, Мюллер убрал их в карман, вскочил в седло и тронул коня. Лишь отъехав от заставы на приличное расстояние, позволил себе облегчённо вздохнуть. Ни в сумке, ни среди дорожных вещей драгоценностей не было. Кольца, серьги, броши и другие изделия, предназначенные для лавки господина Мануэля, юноша предусмотрительно спрятал под одеждой, распределив по нескольким укромным местам. Даже при беглом обыске обнаружить их было бы непросто.

Ночевать пришлось на постоялом дворе, где за общим столом ужинали торговцы, извозчики и случайные путники. В низком помещении пахло кислым пивом, табачным дымом и мокрой шерстью. Разговоры то и дело сворачивали на французов, Наполеона и тревожные вести из соседних земель. Одни уверяли, что новая война неизбежна, другие спорили, будто Наполеон не посмеет бросить вызов всем европейским государям сразу.

Двадцатилетний подмастерье слушал вполуха. Политика

занимала его куда меньше, чем сохранность доверенного товара. Хозяин ювелирной мастерской в Фульде уже не первый раз отправлял его с подобными поручениями. Держал при себе не столько из-за способностей к ремеслу, сколько благодаря высокому росту и недюжинной физической силе. Впрочем, нельзя было сказать, что юноша был лишён таланта. У него были твёрдая рука, хороший глазомер и терпение, необходимое для тонкой работы. Но мастер предпочитал использовать эти качества куда реже, чем его крепкие плечи и сильные руки.

На дорогах, где одинокие путники нередко становились добычей грабителей, такой курьер был особенно полезен. Не всякий разбойник решился бы напасть на рослого, широкоплечего молодого человека, способного постоять за себя…

Ближе к полудню следующего дня впереди показались городские укрепления Ханау. У ворот толпились повозки, ожидавшие досмотра, торговки с корзинами и пешие путники, спешившие попасть в город.

Миновав городские ворота, Ганс направился по знакомым улицам к Юденгассе, где издавна селились еврейские семьи. Добравшись до небольшой ювелирной лавки господина Мануэля, Ганс остановил коня, спешился и привязал поводья к кольцу у стены.

Прежде чем войти, он задержал свой мечтательный взгляд на вывеске над дверью. Под изображением кольца с огранённым камнем полукругом выгибалась надпись «Manuel».

Но в воображении подмастерья из Фульды уже возникала другая вывеска — большая, с золотыми буквами, на самом видном месте городского рынка. На ней будет красоваться его собственное имя. В лавке станут продаваться кольца, браслеты, ожерелья и броши, каких ещё не видывал город. И всё это — работы его рук! За украшениями будут приезжать богатые господа. Дамы станут восхищаться тонкостью исполнения, а другие ювелиры — завидовать.

***

В это время этажом выше, в жилых комнатах над лавкой, просыпалась восемнадцатилетняя дочь господина Мануэля. Её небольшая спальня была обставлена просто, но со вкусом. У стены стояла короткая, неширокая деревянная кровать с высокими резными спинками, застеленная пуховой периной и белоснежным бельём. Рядом — небольшой столик с подсвечником и сидуром — еврейским молитвенником в потёртом кожаном переплёте. У окна помещался умывальник с фаянсовым кувшином и тазом, а возле двери — старый дубовый сундук с железными накладками. Над ним висело небольшое зеркало в тёмной деревянной раме. Единственным украшением комнаты служили вышитые занавески, пропускавшие мягкий дневной свет.

Девушка уже давно не спала, но вставать не торопилась. То поворачивалась на один бок, то на другой, то натягива-

ла одеяло до самого подбородка, словно надеялась укрыться под ним от мыслей, не дававших ей покоя.

За дверью послышались шаги.

— Эстер! Ты ещё в постели? — раздался голос матери. — Скоро покупатели пойдут, а у нас ещё половина дел не сделана!

— Сейчас, муттер…

— Твоё «сейчас» я уже полчаса слышу!

Дверь отворилась. В комнату вошла невысокая, слегка полноватая женщина с мягкими, но выразительными чертами лица. Тёмные волосы были аккуратно убраны под белый кружевной чепец. На ней было добротное тёмное платье с длинными рукавами и светлый передник. Подойдя к окну, она первым делом раздвинула занавески.

— Ты, случайно, не заболела?

— Нет, муттер. Просто плохо спала.

— Я-то заметила. Ты вчера вернулась такая невесёлая. У Каспаровой матери была?

Эстер приподнялась на локте.

— Была.

— Ну и как она? Что нового?

— Каспар письмо прислал.

— Вот как! Давно пора. А то уехал и словно в воду канул.

— Он обручился, мама.

Та удивлённо обернулась.

— Обручился? С кем же?

— С некой Катариной фон Бёкинг. Из Касселя.

— Фон Бёкинг? Стало быть, из знати!

— Выходит, так.

— И что же ты?

— А что я? — Эстер пожала плечами и отвернулась к окну. — Пусть женится, коли надумал.

Мать некоторое время молча смотрела на дочь.

— Ну, полно тебе. Не век же ему холостяком ходить.

— А я разве против?

— Тогда вставай!

Эстер резко отбросила одеяло.

— Вот и встану!

— Вы только посмотрите, какая обиженная! — усмехнулась мать. — Шагом марш ко мне, волосы тебе приведу в порядок.

Девушка села перед небольшим зеркалом. Мать взяла со столика гребень и принялась осторожно распутывать её длинные тёмно-каштановые волосы, мягкими волнами спадавшие на плечи.

Эстер была стройной, среднего роста, с продолговатым лицом, высоким открытым лбом и прямым, чуть удлинённым носом. Большие тёмно-карие глаза смотрели живо и внимательно. Чётко очерченный подбородок и слегка приподнятые брови придавали её облику выражение решительности, порой даже упрямства. Она не принадлежала к числу тех, кто восхищает с первого взгляда. В ней привлекало дру-

гое — естественность движений и открытая, чуть озорная улыбка, мгновенно преображавшая лицо. В минуты задумчивости её черты становились почти строгими, но стоило ей рассмеяться, как строгость исчезала, уступая место живой, почти детской непосредственности.

— Говорят, невеста очень красивая, — заговорила Эстер.

— Кто говорит?

— Каспар написал.

— Ну, жениху положено свою невесту красавицей считать.

Эстер невольно улыбнулась, но тут же опустила глаза.

— Он ведь мне ни слова не написал, муттер. Столько времени! А этой, выходит, уже сердце своё подарил…

— Ты что, его ждала? — мать замедлила движение гребня.

— Никого я не ждала! — Эстер сердито мотнула головой.

— Ne bouge pas, ma fille! — неожиданно потребовала мать по-французски, чтобы дочь не вертелась. В их семье этот язык сохранился со времён далёких предков, бежавших из Франции от религиозных преследований.

— Mais maman, tu me fais mal! — пожаловалась Эстер, что ей больно.

— Так чего же ты сердишься?

Эстер не ответила.

— Вот что я тебе скажу, милая. Не всякий, с кем в детстве по дворам бегала, тебе судьбой назначен. Вырастут люди —

и дороги у них разные.

— Мы с ним из лука стреляли, — с тихой грустью вспомнила Эстер. — По уткам. И я всегда лучше попадала.

Мать закрепила волосы шпильками и положила ладони дочери на плечи.

— Теперь хоть на человека похожа.

В этот момент снизу донёсся недовольный голос отца. Он явно кого-то распекал, но слов было не разобрать. Эстер поднялась, ещё раз взглянула в зеркало и поправила выбившуюся прядь.

— А я всё равно его разыщу! — задумчиво произнесла она. — Как только окажусь в Касселе…

***

— Ну чего ты тут стоишь, Ганс? Долго тебя ещё ждать? Время тоже деньги!

Мюллер вздрогнул. На пороге лавки появился невысокий, начинающий лысеть мужчина в круглых очках с тонкой металлической оправой. Господин Мануэль недовольно смотрел на юношу.

Ганс поспешил вслед за ним.

— Ну, показывай, чем сегодня меня твой мастер удивит, — произнёс Мануэль. — Золотые руки у человека. Чего о тебе не скажешь.

Подмастерье смущённо переминался с ноги на ногу.

— Мне бы… раздеться надо. Я их надёжно спрятал.

— Там, возле лестницы, — хозяин махнул рукой в глубину помещения.

Ганс послушно направился в указанный угол.

В это время Эстер вышла из своей комнаты и направилась вниз. Она всё ещё думала о Каспаре, о его невесте из Касселя и о том, как несправедливо порой складывается жизнь.

Спускаясь по лестнице, девушка машинально поправила причёску и вдруг замерла. Сквозь просветы между деревянными ступенями она увидела молодого мужчину, стоявшего внизу спиной к ней. Он был почти обнажён. Широкие плечи, крепкая спина, сильные руки…

По светлым вьющимся волосам она узнала Ганса Мюллера, подмастерья из Фульды, который время от времени привозил отцу ювелирные изделия. Прежде она почти не обращала на него внимания. Высокий, немного нескладный, застенчивый юноша, всегда почтительно здоровавшийся и старавшийся поскорее выполнить поручение своего мастера. Ничего особенного… Но сейчас…

Девушка почувствовала, как к щекам приливает жар. Хотелось немедленно отвернуться, подняться обратно, сделать вид, будто ничего не видела. Однако ноги словно приросли к ступеньке.

Ганс тем временем расстегнул брюки и, слегка наклонившись, принялся доставать из потайного кармана небольшой свёрток.

Эстер чуть переместилась на ступеньке. Под её ногой предательски скрипнула доска.

Юноша резко обернулся.

На мгновение оба застыли. Ганс — с полуспущенными брюками и свёртком в руке, Эстер — посреди лестницы, с широко раскрытыми глазами и пылающими щеками.

— Ой! — вырвалось у неё.

Она поспешно отвернулась.

— Ганс! Ты там уснул, что ли? — прогремел голос Мануэля.

Эстер прыснула со смеху и, прикрыв рот ладонью, спустилась по ступенькам.

Вскоре из-под лестницы вышел и Ганс. Теперь он был полностью одет, только волосы ещё оставались взъерошенными. Подмастерье поспешно пригладил их ладонью.

Он подошёл к прилавку и передал украшения господину Мануэлю. Тот разложил изделия на бархате, взял одно из них и принялся рассматривать через увеличительное стекло.

— А вот эта застёжка мне не нравится, — пробормотал владелец лавки, поворачивая браслет к свету. — Передай своему мастеру, чтобы в следующий раз не торопился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.